

ЭЛИН
ХИЛЬДЕБРАНД

перевод Юлии Милоградской

Золотая
девочка

роман

МИОО

Элин Хильдебранд
Золотая девочка
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
Лето Элин Хильдебранд»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69727393

*Золотая девочка / Элин Хильдебранд: Манн, Иванов и Фербер; Москва;
2023*

ISBN 9785001959649

Аннотация

Вивиан Хоу – «золотая девочка», любящая мать троих детей и автор тринадцати романов, действие которых всегда начинается в июне и происходит на Нантакете. Там же, где живет и сама Виви. Жизнь Вивиан напоминает мечту, пока прекрасным июньским днем трагическая случайность не меняет все раз и навсегда. Теперь у Виви есть одно последнее лето, чтобы отпустить прошлое и исправить совершенные когда-то ошибки.

Для кого эта книга

Для тех, кто ищет легкого (но вдумчивого) чтения.

Для читателей романов и вдохновляющих семейных саг.

Для тех, кому нравятся книги Фэнни Флэгг, Делии Оуэнс и Кристин Ханна.

Для поклонников Элин Хильдебранд.

Для тех, кто хочет прочитать историю, которая дарит надежду и радость в непростые времена.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Марта	8
Виви	12
Шеф	36
Виви	46
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Элин Хильдебранд

Золотая девочка

Original title:

GOLDEN GIRL

by **Elin Hilderbrand**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

GOLDEN GIRL © 2021 by Elin Hilderbrand

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Моим детям – Максвеллу, Доусон и Шелби.
Я всегда буду с вами рядом*

Марта

Она получает сообщение из головного офиса: вскоре к ним присоединится новая душа, и эту душу отправляют под начало к Марте.

Она снимает очки для чтения и берет в руки планшет. Душа должна прибыть... с острова Нантакет.

Марту это одновременно и удивляет, и радует. Удивляет, потому что она сама встретила свой трагический конец на Нантакете два года назад и уже думала, начальство намеренно не поручает ей территории на побережье, чтобы, как говорит Джен Зэт, «не вызывать ненужных эмоций».

А радует, потому... ну, потому что кто не любит Нантакет?

Она устремляется вниз с северо-запада так, чтобы в первую очередь увидеть маяк, который стоит дозором на самой оконечности тонкой позолоченной ветви Грейт-Пойнта. Марта видит, как совсем рядом у берега режутся тюлени (а чуть в отдалении их поджидают акулы). Она направляется к гавани Полпис, где у группы двенадцатилеток урок яхтинга на «Оптимистах». Одна из лодок опасно накренилась и вот-вот перевернется вверх килем. Марта выдувает небольшое облачко, и яхта выравнивается.

Марта ныряет над болотами, испещренными озерцами воды и расчерченными песчаными тропами. Замечает оленя,

который прячется в чаще леса. В песке у пруда Джуэл застрял джип; возле машины стоит молодой человек и изрыгает поток ругательств («Ну и ну», – думает Марта), а его девушка пытается поймать сигнал на телефоне. Она очень извиняется, просто не хотела упустить утреннее освещение для фотографий в «Инстаграме».

Марта выбирает живописную дорогу, идущую вдоль нетронутой полосы южного побережья. Несмотря на ранний час, народу здесь уйма. Дама бальзаковского возраста кидает шоколадному лабрадору бальзаковского возраста теннисный мячик в набегающие волны. Седовласый джентльмен бросается в воду, начиная сеанс утреннего купания. У Смитс-Пойнта видна группа рыбаков, в «Сиско» сидит команда молодых (и очень привлекательных) серферов, а на гольф-поле «МиакOMET» делает первый взмах – чпок! – четверка игроков.

Проплывая над пляжем Нобадир, Марта видит, что на парковке собралась команда городских спасателей. Уже почти семь пятнадцать утра – время, когда у них начинается тренировка, и Марте надо поторопиться.

У нее остается еще минута, чтобы полюбоваться островом в свете этого ясного, безоблачного утра субботы, девятнадцатого июня, – солнце отражается в золотом куполе уни-тарианской церкви; повар из «Блэк Айд Сюзанс» на всех парах несется по Индиа-стрит, опаздывая на смену. Почти по всему острову включается система полива, начиная раз-

брызгивать воду по газонам и цветочным клумбам, но только не в Сконсете: здесь предпочитают все делать по старинке, надев сабо и подхватив лейки. Люди наливают себе по первой чашке кофе, просматривают передовицы «Нантакет Стэндрт». Тридцать пять женщин, которые сегодня выходят замуж, открывают глаза и испытывают различные чувства – от радостного предвкушения до тревоги. Ремонтники паркуются у магазина хозтоваров «Марин» – у каждого список работ, которые нужно было доделать еще *вчера*; люди приезжают на лето и хотят, чтобы в домах все было отлажено. Из гавани выходят взятые напрокат рыбацкие лодки; в «Даунифлэйк» из печи достают первую партию пончиков с сахарной пудрой – и, боже, какой стоит запах!

Марта вздыхает. Нантакет, конечно, не рай, но рай на Земле. Однако она здесь не затем, чтобы осматривать достопримечательности, ей нужно забрать с собой душу. На карте у Марты отмечена точка на Кингсли-роуд, почти на пересечении с Мадакет, но не совсем.

Марта прибывает на место с запасом в тридцать секунд и может вдохнуть пьянящий аромат цветущей внизу сирени. Вдоль дороги бежит девушка с темными волосами и роскошными ногами, подпевая музыке у себя в наушниках, но остальная часть Кингсли погружена в дрему.

Пятнадцать секунд, десять секунд, пять. Марта еще раз проверяет координаты; кажется, она в правильном месте...

Стоит Марте отвести взгляд от дороги, как происходит

трагедия. Стремительно, в буквальном смысле в мгновение
ока. Марта морщится. Какая жалость!

«Так, – думает она. – За работу».

Виви

Стоит прекрасный июньский день, из тех, что любит описывать Виви. Все тринадцать романов Вивиан Хоу – пляжное чтиво, действие каждого происходит на Нантакете и начинается в июне. Виви никогда не приходило в голову изменить этой привычке, потому что абсолютно все на Нантакете начинается в июне. Этакое новорожденное лето; все еще невинное, нетронутое, чистый лист.

В семь с чем-то Виви уже готова к пробежке. Маршрут не менялся с тех пор, как она переехала в «Мани Пит» десять лет назад после своего развода: по грунтовке, Кингсли, потом свернуть на велосипедную дорожку вдоль Мадакет-роуд. Дорожка идет до самого пляжа, но Виви уже несколько лет так далеко не забегала. Бёдра. Да у нее и времени нет.

Виви нервничает, несмотря на солнце, лазурное небо и великолепные пионы из собственного сада. Вчера вечером позвонила ее дочь Уилла, сказала, что снова беременна. С прошлого июня, когда они с Рипом поженились, это уже четвертая ее беременность.

– О, Уилли! – сказала Виви. – Вот это да, вот это новости, просто отлично! Какой срок?

– Шесть недель, – ответила Уилла.

«Слишком, слишком рано», – думает Виви. Может, просто месячные задерживаются.

– Ты делала тест?

– Да, мам.

– Больше одного?

– Два, – сказала Уилла. – У первого был неопределенный результат. На втором – две полоски.

Виви не стала говорить главного: «Подожди пока радоваться». У Уиллы уже было три выкидыша. Первая беременность прервалась на пятнадцатой неделе. У дочери пошла кровь во время экскурсии по дому Уильяма Хэдвена¹, которую она проводила для группы высокопоставленных гостей из администрации губернатора. Она прервала мероприятие и сама доехала до больницы. Ужасный был день, самый болезненный физически и тяжелый морально из трех выкидышей. После третьего Уилла поняла, что у нее какая-то проблема.

Но детальное обследование в репродуктивной клинике «Бригэм энд Уименс» в Бостоне не выявило никакой патологии. Уилла была здоровой двадцатичетырехлетней женщиной. С тем, чтобы зачать, не имелось никаких проблем – Рипу было достаточно бросить на нее взгляд.

В глубине души мать подозревала, что выкидыши дочери как-то связаны с «синдромом отличницы», который в случае Уиллы Виви и ее бывший муж, Джей Пи, называли «син-

¹ Дом Уильяма Хэдвена – музей на острове Нантакет, особняк, построенный в первой половине XIX века, принадлежавший китобойному промышленнику Уильяму Хэдвену. *Здесь и далее примечания переводчика.*

дромом отличницы с плюсом», потому что Уилла никогда не удовлетворялась обычными пятерками.

– Если и сейчас ничего не получится, может, вам с Рипом стоит сделать передышку? Ты такая молодая, у тебя годы, даже десятилетия впереди, еще успеешь зачать. Зачем торопиться?

Как и следовало ожидать, Уилла начала защищаться.

– И почему у меня не должно получиться? Думаешь, я неудачница?

– Что бы ты ни делала, у тебя все получается, – заверила Виви. – Мне просто кажется, твоему телу пойдет на пользу перерыв...

– Я беременна, мама, – отрезала Уилла. – И собираюсь родить прекрасного здорового ребенка.

Казалось, что она сама себя уговаривает.

– Ну конечно, ты родишь прекрасного здорового ребенка, Уилли. Так хочется подержать малышку.

Хотя Виви не казалось, что ей уже пора становиться бабушкой. Только пятьдесят один год исполнился, она в прекрасной форме, что тут лукавить. В коротко остриженных темных волосах ни намек на седину (Виви проверяла каждое утро). Ее, наверное, будут принимать за маму ребенка (ну, будем надеяться).

Разговор на этом закончился, но Виви всю ночь преследовало тревожное чувство. Может, дети действительно расплачиваются за ошибки своих родителей или тут говорит ее

склонность к художественному преувеличению?

Виви проснулась в половине шестого утра не только потому, что стоял июнь и солнце светило в окна, как в полдень, — ее разбудил шум. Она прокралась в коридор и увидела свою дочь Карсон — та, спотыкаясь, поднималась по лестнице, и от нее отчетливо пахло травкой.

В последний раз Виви видела Карсон вчера днем — дочь собиралась на работу, на ней были обрезанные джинсовые шорты и ярко-желтая футболка ресторана «Ойстеркэтчер», а темные, еще немного влажные волосы она заплела в две аккуратные французские косички. Карсон считалась самой красивой из трех детей Виви, хотя той, конечно, не полагалось так думать. Карсон единственная удалась в Джея Пи: темные волосы, прозрачные ярко-зеленые глаза, тонкий острый нос и белые ровные зубы. Куинборо до кончиков ногтей, а вот Уилла и Лео пошли в Хоу. Они унаследовали от Виви неправильный прикус и скученные нижние зубы и годами носили брекеты.

На Карсон так и остались вчерашние шорты, но футболку она поменяла на что-то вроде платка из кольчужной ткани, который прикрывал только грудь, а сзади держался на тоненькой цепочке. Дочь заявила домой босиком; косички она расплела, но волосы все еще были в мелких завитушках. Заметив Виви на лестничной площадке, Карсон вскинула брови.

— О, мать. Че, как?

– Ты что, только пришла? – спросила Виви, хотя ответ был очевиден.

Карсон вернулась домой в половине шестого, хотя заканчивала работать в одиннадцать. Ладно, ей уже исполнился двадцать один год, она, наверное, выпила на работе, потом пошла в «Чикен Бокс», чтобы успеть на последний сет вчерашней группы, а потом либо отправилась на пляж с друзьями, либо переспала с каким-то случайным парнем.

– Да, мэм. – Кажется, Карсон была трезвая, но это только еще больше разозлило Виви.

– Ты не можешь провести так все лето, – заявила мать.

– Надеюсь, и не проведу, – ответила Карсон. – Работы мало, чаевые – отстой, парни в «Боксе» как будто все из школьной команды по фехтованию.

– Нельзя всю ночь где-то шляться, а потом заявляться домой, воняя травкой...

– *Воняя травкой*, – передразнила Карсон.

Виви попыталась отыскать в себе остатки терпения, но это было как искать потерянную туфлю в шкафу материнства. *В этом вся Карсон.* Десять лет назад, узнав, что ее муж Джей Пи влюбился в свою сотрудницу Эми, Виви съехала от него. Каждый из троих детей тяжело переживал разрыв родителей, но Карсон – особенно. Ей почти исполнилось одиннадцать, и она была удивительно привязана к Виви. Продажи романа того года «Вдоль южного берега» внезапно взлетели, и Виви, пытаясь избежать неминуемых последствий развода: когда

все хотят знать, что же случилось, спрашивают, всё ли в порядке, говорят, что ты молодец, – отправилась в тур по двадцати девяти городам. Ее не было дома семь недель, она пропустила первый день учебного года и день рождения Карсон. Когда же вернулась, то обнаружила, что дочь из смешной взрывной девчонки превратилась в «проблемного подростка»: закатывала истерики, ругалась, нарывалась на ссоры с братом и сестрой и вообще делала все возможное, чтобы привлечь к себе внимание. Виви винила в этой трансформации роман Джея Пи (о котором их психотерапевт настоятельно не рекомендовала рассказывать детям), а Джей Пи – «побег» Вивиан, как он это называл.

Прошло десять лет. Карсон уже повзрослела, но с ней по-прежнему иногда бывало трудно.

– Это мой дом, – напомнила Виви. – Я плачу ипотеку, налоги, а также за страховку, электричество, отопление, кабельное. Покупаю продукты и готовлю еду. Пока живешь под моей крышей, я запрещаю тебе пить всю ночь, курить, заниматься сексом с совершенно незнакомыми людьми. Ты хоть понимаешь, как это выглядит?

Виви вовремя остановила себя, чтобы не напомнить Карсон, как та уже лечила хламидиоз прошлым летом.

– Ты подаешь дурной пример своему брату.

– Ему не нужен пример, у него уже есть Уилла, – возразила Карсон. – А я – неудачница. В мои обязанности входит всех разочаровывать.

– Дорогая, никто не говорит, что ты кого-то разочаровываешь.

– Мне двадцать один, – напомнила Карсон. – По закону я имею право пить. И курить траву – тоже.

– Ну, раз ты такая взрослая, можешь жить отдельно.

– Так и собираюсь, – подхватила Карсон. – Коплю деньги.

«Ничего ты не копишь», – хотела сказать Виви. Карсон получала хорошие чаевые в «Ойстеркэтчере», но сразу их тратила – на выпивку, траву, одежду: «Эрика Уилсон», «Милли энд Грейс», «Лавли». Карсон наконец-то бросила Университет Вермонта, промучившись пять семестров, – средний балл у нее был 1,6 из 6, – и, хотя поначалу Виви пришла в ужас (ведь образование в первую очередь делает тебя интересным человеком!), пришлось смириться с мыслью, что оканчивать университет необязательно всем.

– Я не стану устанавливать тебе комендантский час, – сказала Виви, – но не потерплю подобного поведения.

– *Не потерплю подобного поведения*, – передразнила Карсон. Так мог бы ответить семилетний ребенок, но дочь добилась реакции, которой ждала. Виви сделала шаг вперед, сжав руку в кулак.

– Отшлепаешь меня? – спросила Карсон.

– Нет, конечно, – ответила Виви, хотя ей очень этого хотелось. – Но тебе придется взяться за ум, детка, – иначе я попрошу тебя съехать.

– Ладно, поеду к папе.

– Уверена, что Эми ждет не дождется, когда ты вернешься домой.

– Она не такая уж и плохая. Когда ты пытаешься делать из нее монстра, только показываешь, насколько не уверена в себе.

Виви не успела придумать ответ, как почувствовала какой-то запах.

– Ты что... что-то готовишь?

Карсон прошла в свою спальню и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Виви полетела по ступенькам вниз. Кухня была полна черного дыма. На включенной конфорке в ее новенькой сковородке на три литра от «Олл Клэд» разогревалась паста с сосисками и базиликом, которая осталась со вчерашнего ужина. Паста превратилась в черную гарь. Виви выключила плиту, схватила полотенце, вынесла дмящуюся сковородку во двор и поставила на выложенную плиткой дорожку. Посуда была такой горячей, что, наверное, оставила бы пятно на веранде или газоне.

Новая сковорода – на помойку.

Паста с сосисками и базиликом под ароматным горчично-сливочным соусом, которую Виви собиралась отнести Уилле, чтобы помириться, – на помойку.

А вдруг Виви не проснулась бы? Вдруг на кухне начался бы пожар и «Мани Пит» охватили языки пламени, пока она и Лео спали? Они все погибли бы!

Вернувшись на кухню, Виви увидела на столешнице бутылку своей текилы «Каса Драгонес» и рюмку. Она почувствовала, как внутри закипает чудовищная ярость. Это была *ее* текила, она даже своему (почти экс-) бойфренду Деннису не разрешала делать из нее «Маргариту». Карсон пришла домой, поставила на плиту пасту, выпила пару – или тройку? – рюмок *ее*, Виви, текилы, хотя прекрасно знала, что та *не предназначена для широкой публики*, а потом бросила еду гореть в сковородке.

Виви взлетела вверх по лестнице и забарабанила в запертую дверь спальни дочери.

– Ты оставила сковородку на включенной плите!

Лео наверняка уже проснулся, и матери было его жаль, ведь сегодня суббота, но что поделать.

– Да что с тобой такое, Карсон? – говорила Виви. – Ты что, правда не думаешь ни о ком, кроме себя? Ты что, не думаешь совсем?

Ответа не последовало. Виви пнула дверь.

– Пожалуйста, уйди, – раздалось из комнаты. – Я пытаюсь поспать.

– Ты пила мою текилу! – обвинила Виви. – А ведь знаешь, что *ее* нельзя трогать.

– Не пила я твою текилу, – ответила Карсон. – В последний раз я пила в «Чикен Бокс», несколько часов назад.

Виви заморгала. Непохоже, чтобы Карсон врала, дочь казалась трезвой.

– А кто тогда?

Воцарилось молчание, а потом Карсон спросила:

– Ну а кто еще живет в этом доме?

«Лео?» – подумала Виви. Она посмотрела на закрытую дверь его спальни. Лео ходил на вечеринки с первого года старшей школы, но после неудачного опыта с «Егермейстером» держался подальше от крепких напитков. Он пил пиво и иногда слабоалкогольную газировку.

Виви снова повернулась к двери Карсон:

– Сама будешь оттирать эту сковородку, юная леди.

Или купишь мне новую.

Она налила себе кофе, открыла все окна, включила оба вентилятора на потолке на полную мощность, вымыла рюмку, спрятала остатки «Каса Драгонес» в прачечной (дети там ее никогда не найдут) и наконец немного успокоилась. Виви была матерью троих *очень молодых людей*, а очень молодые люди требуют такого же терпения, как и очень маленькие дети. Никто об этом не говорит, как будто это такой страшный секретик. Виви всегда представляла себе, что, когда ее детям исполнится двадцать четыре, двадцать один и восемнадцать, они станут все вместе пить вино у бассейна; дети будут готовить, убирать и давать ей глубокомысленные советы насчет того, куда вложить деньги. Ха-ха.

Виви зашнуровывает кроссовки и растягивается, ставя поочередно ноги на бампер своего джипа. Потом включает на телефоне «Айтюнс» и выбегает на дорогу.

Беговые плейлисты для Виви составила Карсон. Дочь назвала их «Девятифунтовый молот», «Клубничный пар» и «Белый огонь» (Виви не сразу догадалась, что все это – названия сортов травки, возможно, тех самых, которые Карсон курила, пока подбирала соответствующие треки).

Сегодня Виви включает «Девятифунтовый молот». В случайном порядке.

Первая песня называется All That and More, исполнитель – Rainbow Kitten Surprise. Карсон в роли диджея хороша тем, что Виви знакомится с музыкой, которую иначе никогда в жизни не услышала бы. За последние месяцы эта песня стала у нее любимой – она фолковая и одновременно бодрая. *All I ever wanted was to make you happy...*²

Как только Виви прибавляет звук, телефон свистом сообщает о том, что пришло новое сообщение от ее (почти экс-) бойфренда Денниса, который уплыл в открытое море на рыбалку. Сообщение – это снимок. Деннис – в спортивных солнцезащитных очках, улыбается, показывая щель между передними зубами, и держит в руках полосатого окуня. Подпись к фотографии гласит: «Ужин!»

Виви не отвечает. Неделю назад или чуть раньше она сказала Деннису, что ей нужна дистанция, и попросила больше не оставаться у нее дома на ночь. Как Виви и предполагала, после этого Деннис еще больше сократил дистанцию между ними. Он пишет, звонит, «просто спрашивает», как дела,

² Я хотел только одного – сделать тебя счастливой...

и рассчитывает, что Виви захочет жарить на гриле полосатого окуня, которого он поймал. Бедный Деннис. Они познакомились три года назад, когда он приехал в «Мани Пит» определить, сколько будет стоить центральная система кондиционирования (Деннис – владелец небольшой компании по продаже оборудования для ОВК³). Кондиционер оказался Виви не по карману, но между ними пробежала искра, и они начали встречаться. Деннис ничего не делает наполовину, живет настоящим моментом: летом, как только появляется возможность, отправляется на рыбалку, осенью – на охоту и каждый год первым получает лицензию на вылов гребешков. Он любит ездить на своем пикапе по пляжу и заглядывать на болота; показал Виви секретные пруды и скрытые пещеры острова, которые она никогда до этого не видела, хотя живет на Нантакете в три раза дольше него. Джей Пи однажды назвал Денниса «простаком», но Виви кажется, что он просто свободный человек. Ее бодрило, что бойфренду для счастья достаточно чашки крепкого кофе, дня, проведенного за честным трудом, заплыва в океане, стакана крафтового пива и заката. Он умел рассмешить Виви, был ее бесстрашным победителем, великолепным любовником – и долгое время ей этого всего хватало.

Она даже не знала, что случилось; правда, как будто Бог щелкнул пальцами – и Виви начала видеть в Деннисе только недостатки, а все, что он говорил и делал, стало ее раздра-

³ «Отопление, вентиляция и кондиционирование»

жать. Магия ушла и, Виви подозревает, уже вряд ли вернется. Она готова снова стать свободной женщиной.

Сирень, растущая вдоль Кингсли-роуд, благоухает; она начнет отцветать уже завтра, и Виви напоминает себе, что надо бы вернуться сюда, срезать несколько веток и поставить на прикроватную тумбочку. Следующий месяц, июль, будет посвящен гортензии. На Нантакете вообще делают фотографии какого-то другого цветка в июле? «Инстаграм» с уверенностью скажет, что нет, не делают. Виви вдыхает аромат сирени, и это поднимает ей настроение. Когда придет домой с пробежки, сделает Карсон тост из восхитительного хлеба на закваске из «Борн энд Брэд» с авокадо, спелым тепличным помидором, идеальным яйцом-пашот и крупной морской солью. Еда для Виви – это «язык любви». Дочь будет знать, что прощена.

Этим летом Карсон работает главным барменом в «Ой-стеркэтчер» – большом, старом, живописно потрепанном сарае, который расположился прямо на пляже Джеттис. На песке стоят шезлонги, в которых гости пьют коктейли, дожидаясь своей очереди, чтобы сесть за один из выкрашенных яркой краской столов для пикника под открытым небом. Несколькими ступеньками выше находятся стойка хостес и маленькая сцена, на которой уместаются ровно один гитарист, один усилитель и один микрофон. Еще несколькими ступеньками выше – бар, прилавок с устрицами, кухня и магазин, где продаются надувные лодки, игрушки для пля-

жа, футболки, солнцезащитный крем и сладости.

Виви в первый раз пришла в «Ойстеркэтчер», чтобы проведать Карсон, в середине мая, когда он только-только открылся с началом сезона. В ресторане было много знакомых, Виви и Деннис то и дело останавливались поболтать с кем-нибудь, прежде чем сесть за барную стойку. К ним подошла непривычно смущенная Карсон.

– Могу я предложить вам что-то из напитков?

Она уже такая обходительная и выглядит как профессионал! Карсон вдохновенно пересказала список блюд от шефа, как будто читала стихи. «У нас сегодня пицца с морепродуктами, в главных ролях...» Да, да, конечно, они хотят пиццу с лобстером и моллюсками, а начнут с дюжины устриц, овощного салата и паштета из копченого луфаря.

Карсон приняла заказ, не записывая. Она была очаровательна: шорты, футболка, короткий черный фартук на талии, из которого торчали штопор и открывашка.

Дочь отправилась протирать стаканы, оставив Виви с бокалом совињон-блан, а Денниса – со стаканом «ИПА». Гитарист играл песню «Оазиса» Wonderwall. Солнце садилось, становилось прохладно. Виви подумала, не попросить ли Карсон сходить к машине за ее кардиганом, но знала, что дочь откажется и, наверное, велит, чтобы мать перестала ее позорить и относиться как к ребенку.

В этот момент к барной стойке подсели Зак и Памела Бриджман. Виви помахала им, Деннис отсалютовал стака-

ном с пивом, но разговора никто не завязал. Памела была сестрой Рипа Бонэма (намного старше его), мужа Уиллы, поэтому они вроде как считались родственниками. Памела работала с Рипом в семейной страховой фирме, а ее муж Зак трудился диспетчером в аэропорту «Нантакет Мемориал». У Зака и Памелы имелся сын, Питер, он учился в одном классе с Лео, но ребята не дружили. В начале последнего школьного года они подрались на футбольном матче, где играли «Уэйлеры». Питер сказал какую-то глупость и толкнул Лео, тот пихнул обидчика в ответ, Питер замахнулся, и разразилась драка. Виви во всем винила сына Памелы: он всегда казался странным агрессивным ребенком, а вот Лео – такой милый, мирный мальчик, со всеми умеет подружиться. Что такого мог сказать Питер, что началась драка?

– Чушь какую-то, – ответил Лео матери. – Он на всех наезжает.

После этого инцидента остался дурной привкус; а значит, разговор с Бриджманами получился бы вымученным. Раньше Лео обсуждал с Заком книги – они одновременно увлеклись Греггом Айлсом, потом Аттикой Лок, – но в какой-то момент Памела отпустила колкое замечание, и Виви поняла, что родственнице разговоры о книгах кажутся скучными. А кроме книг и своих детей, им особо нечего было обсуждать.

Виви заметила, насколько появление Бриджманов смутило Карсон. Та споткнулась о резиновый коврик, попыталась

удержать равновесие и чуть не обрушила полку со стеклянными стаканами.

– Вот бл... ин, – сказала она, а потом прижала руку ко рту. – Привет. Что вам принести? Выпить?

– Привет, – Памела натянуто улыбнулась Карсон. – Можно посмотреть меню?

– Мне «Мэйкерс Марк» со льдом, пожалуйста, – сказал Зак.

– Один виски со льдом, – повторила Карсон. – А тебе, Памела?

– Меню, – напомнила та.

– Да, конечно! – Карсон достала из стопки два меню. Еще несколько упало на пол, но дочь их проигнорировала.

– Не знала, что ты продолжаешь здесь работать, – заметила Памела. – Думала, может, нашла что-то получше.

Виви чуть не поперхнулась вином. Кому вообще придет в голову такое говорить? Ну вот, видимо, Памеле Бонэм Бриджман приходит.

Карсон отклонилась на несколько миллиметров назад.

– Я была помощницей бармена. А теперь я... главный бармен!

– Поздравляю, – сказал Зак.

– Я буду диетическую колу, – решила Памела.

– Отлично, сейчас принесу, – ответила Карсон. – Ужинать будете?

Памела рассмеялась.

– Ну не за одной же колой я сюда приехала.

Виви уже хотела вмешаться и сказать: «Нельзя ли повежливее? Мы же все-таки родственники».

– Нет, конечно, – согласилась Карсон. – Принесу напитки и приму у вас заказ.

Дочь отмеряла виски дрожащими руками; немного пролилось на стойку, но Карсон вытерла стакан полотенцем и передала его Заку со словами: «Ой, тебе же тоже нужно меню».

Памела надела очки для чтения. Самой выдающейся чертой дамочки были ее волосы: необычные, темно-рыжие, с хрестоматийной белой прядью у лба. Памела никогда не пользовалась косметикой, и кожа у нее все еще выглядела отлично. (У Виви имелась неприятная привычка – оценивать, насколько лучше или хуже ее самой стареют женщины. Она думала, что к пятидесяти годам ей уже будет все равно, но ошибалась. Когда уже станет все равно? В шестьдесят пять? В семьдесят пять? В *восемьдесят пять*?)

Памела прижалась к мужу плечом.

– Нам хватит одного.

Деннис, возможно, заметив нежности Бриджманов, толкнул Виви плечом и прошептал:

– А Карсон неплохо справляется. Тебе не холодно? Может, оденешь кардиган?

«Наденешь. *Наденешь кардиган*», – подумала Виви. Но она давно уже перестала исправлять грамматические ошибки Денниса, иначе только этим бы и занималась.

– Да! – ответила она чересчур жизнерадостно. – Отлично справляется.

Затем отодвинулась немного от Денниса и призналась себе, что эти отношения уже находятся на последнем издыхании. Виви сделала знак Карсон.

– Прошу прощения, мисс замечательный бармен, могу я попросить еще бокал вина?

Во второй раз Виви пришла к дочери в «Ойстеркэтчер» три дня назад, отметить две замечательные новости. Она получила первый в жизни хвалебный отзыв в «Макку-эйд» на книгу «Золотая девочка», которая вот-вот должна была выйти. И, словно этого было недостаточно, Тане Прайс из «Доброго утра, Америка» так понравилась книга, что она позвала Виви на интервью на *федеральном канале*.

«Надо выпить!» – решила она. То, что роман пользовался таким успехом, приводило ее в восторг, но одновременно и тревожило. С книгой была связана история... непростая история.

Виви услышала, как менеджер «Ойстеркэтчера» Никки сказал, что ждать столика придется часа два. К бару было не протолкнуться, Виви не стоило и мечтать о том, чтобы сесть. Она стояла позади толпы и наблюдала за дочерью. Надо же, как все изменилось за пару недель. Карсон играла ведущую роль в этом вечернем представлении: принимала заказы на напитки, трясла шейкером, точно маракасом, расставляла блюда с устрицами и мидиями на льду, крича-

ла на работников кухни, чтобы принесли еще хрена, давала пять клиентам, бурно радовалась каждый раз, когда кто-то бросал чаевые в ведерко на стойке. Живой музыки пока не было, играл плейлист из хитов восьмидесятых: Tainted Love, потом Don't You Want Me. Люди кричали: «Карсон, подойди!», «Карсон!»

Виви в конце концов удалось протиснуться к бару, и ее так тесно зажали между двумя компаниями, что она при желании могла бы прочитать мысли каждого. Потом гуляки слева ушли, и – вуаля! – освободился стул. Теперь у Виви была своя территория, коктейль уже не казался несбыточной мечтой, и она немного расслабилась.

Рецензия в «Маккуэйд» получилась просто блестящей. У Виви имелись толпы преданных читателей, но ей никогда еще не удавалось привлечь внимание серьезных критиков. Отзывы «Маккуэйд» на предыдущие книги были совершенно невпечатляющими. Рецензенты назвали ее первый роман «Дочери дюн» «тремя сотнями страниц словесного винегрета», и для Виви, не привыкшей к критике (за исключением комментариев беспощадных участников писательской конференции «Брэд Лоуф»), тот отзыв стал жестоким ударом. Она думала, самое сложное – найти для книги издателя, но оказалось, что это только начало. Выпустить книгу в мир было равносильно тому, чтобы предложить публике свое сердце на блюде и смотреть, как они тычут в него пальцами, пристально разглядывают или, хуже того, равнодушно

проходят мимо.

Так вот, роман Вивиан Хоу – больше не словесный винегрет!

Ее первый пятизвездочный отзыв в «Маккуэйд» – с тринадцатой попытки!

Еще и «Доброе утро, Америка!». До сих пор Виви никто не приглашал на федеральное телевидение. Жаль, мама не дожила. Она обожала «Доброе утро, Америка!» и собрала бы половину населения Пармы, штат Огайо, к себе домой посмотреть выпуск с дочерью.

Все указывало на то, что это будет *не просто книга*. Очевидно, для того чтобы завоевать такую популярность, Виви требовалось всего лишь... написать о том, что она поклялась держать в секрете.

Виви отмела эту мысль, как только Карсон заметила ее и расплылась в искренней улыбке.

«Ха! – подумала Виви. – Не ожидала меня увидеть?»

– Мама! – воскликнула Карсон. – Что будешь пить?

* * *

Виви бежит по Кингсли-роуд и уговаривает себя, что у ее детей все хорошо. Все *отлично*. У Уиллы хорошая работа – в Историческом обществе Нантакета, а ее муж Рип только что унаследовал коттедж в Смитс-Пойнте. У Уиллы и Рипа теперь не жизнь, а мечта: у них есть и дом в городе, и кот-

тедж на пляже. Но важнее всего то, что дочь снова беременна. Неужели Виви не может позволить себе порадоваться новости? Конечно, может. У Уиллы все будет хорошо! С ребенком все будет хорошо!

Карсон добьется огромного успеха в «Ойстеркэтчере», она скоро станет знаменитостью Нантакета. Будет зарабатывать хорошие деньги, привлекать к себе внимание, обрастать знакомствами, а следующим шагом станет должность управляющей в каком-нибудь отеле или клубе. Может, она даже откроет свой собственный ресторан. У Карсон все будет хорошо!

А Лео? (Виви думает о том, что все-таки это он пил ее текилу, но почему вдруг? Это так на него непохоже.) В детстве Лео всегда напоминал маленький пирожок, но с каждым годом Виви все меньше его понимала. Он хорошо учился, играл в университетской сборной по футболу и лякроссу, но был ли сын счастлив? Виви затруднялась ответить на этот вопрос. «В тихом омуте черти водятся» – каждый раз, когда она думала о сыне, на ум приходила эта фраза. Кто знает, что на самом деле творится в его голове, в его душе? У Лео есть лучший друг, Круз Де Сантис. Виви считает Круза членом семьи; у того есть свое место за столом, он всегда знает, что в какой шкаф класть, когда разгружает посудомойку, и с детского сада номер Виви значился в списке Круза как контакт на случай чрезвычайной ситуации. Все эти годы ребята были не разлей вода – Виви называла их Труляля и Траляля.

В старших классах они открыли для себя существование девочек. В десятом Круз начал встречаться с Джеммин Келли, а в одиннадцатом Лео подпал под чары Мариссы Лопрести, которая добивалась его расположения со средней школы.

Марисса – невероятно красивая девочка, но, как птица или насекомое с яркой окраской, весьма опасная. Виви однажды слышала, как она высмеивала пост одноклассницы в какой-то социальной сети («Ты посмотри на фотку Линдси, вот корова, ей бы для начала килограммов пятьдесят сбросить, а заодно ринопластику сделать»), а Лео, к его чести, посоветовал красотке уgomониться, иначе отправит домой. У Мариссы нет близких подруг, кроме старшей сестры Алексис, и поэтому она против дружбы Лео с Крузом. Закатывает истерику каждый раз, когда Лео собирается провести время с приятелем – вместе позавтракать, поиграть в гольф, просто посидеть в комнате Лео и порубиться в «Фортнайт», – и она уже не раз выдумывала семейную драму (ссору с матерью) или проблемы со здоровьем (предполагаемый менингит), чтобы отвоевать внимание любимого. Виви невыносимо на это смотреть.

Оставалось только надеяться, что Лео расстанется с истеричкой, когда уедет в колледж в Боулдере. У него появится другая девушка; кто угодно будет лучше Мариссы.

У Лео все будет хорошо!

На телефон приходит еще одно сообщение. «Господи, – думает она, – только не Деннис!»

Но нет, сообщение от Карсон:

«Извини за сковородку, ма, а текилу выпила не я. Люблю тебя».

Напряжение уходит из шеи и челюсти Виви. У ее детей все хорошо.

Следующий трек начинается гитарными аккордами, которые заставляют Виви прислушаться. Это Stone in Love группы Journey. Виви спотыкается на ровном месте, останавливается и смотрит на экран телефона. Что эта песня делает в плейлисте «Девятифунтовый молот»? Неужели Карсон добавила? Но дочь терпеть не может классический рок, называет его «музыкой загробного мира».

Виви становится жутко. Эта песня пробуждает такие яркие воспоминания о школе, что кажется, стоит повернуть голову – и увидишь посреди Кингсли-роуд Бретта Каспиана. Виви уже готова нажать кнопку «пропустить», но все-таки очень любит эту песню, несмотря на то что с ней связана сложная история и давно уже ее не слышала. Она снова бежит, подпевая: *Burning love comes once in a lifetime!*⁴

Глаза у нее закрыты, и, когда Виви понимает, что что-то случилось, уже слишком поздно – в шее раздается хруст; сердце взрывается, как динамитная шашка. Виви подбрасывает в воздух, она летит – а потом ее голова ударяется о землю. Нога. Что-то с ногой.

Еле слышный далекий голос поет: *Golden girl, I'll keep you*

⁴ Жгучая любовь приходит раз в жизни (англ.).

*forever*⁵.

А потом музыка замирает. Темнота становится бархатно-черной. Тишина оборачивается безмолвием.

⁵ Золотая девочка, ты всегда будешь моей (*англ.*).

Шеф

По дороге на работу шеф полиции Нантакета Эд Кейпнэш слышит по радио, как вызывают скорую. На велосипедной дорожке у Мадакет-роуд нашли тело женщины, не приходящей в сознание.

К тому времени, как он добирается до участка, ситуация проясняется: водитель, поворачивавший с Мадакет на Кингсли, увидел, что на земле лежит женщина. Остановился и позвонил «девять-один-один». Тело женщины было изломано, изо рта шла кровь, на ноге виднелась рваная рана. Водитель сказал, что ему удалось нащупать слабый пульс, но, когда скорая доставила пострадавшую в больницу «Нантакет-коттедж», она была уже мертва.

Эд сидит за своим столом, опустив голову. Еще даже летнее солнцестояние не прошло, а у них на руках уже сбежавший с места аварии водитель.

– Готовы услышать неприятные подробности? – спрашивает сержант Диксон. Диксон, кажется, всегда приносит только плохие новости.

– Да, – говорит шеф полиции, хотя ему хочется сказать «нет».

– Погибшая – писательница Вивиан Хоу. Вы ведь ее знаете?

«Как не знать», – думает Эд. Андреа проглатывает каж-

дую новую книгу Вивиан, как только та выходит из печати. Он уже знает, что во второй вторник июля ему нельзя даже заговаривать со своей женой. Она читает эти романы – действие каждого из них происходит на Нантакете, и в основе сюжета каждый раз лежит какой-нибудь скандал (как будто на этом несчастном острове и без того мало проблем, надо еще выдумывать!) – весь день и глубоко за полночь. Жена терпеть не может, когда ее прерывают.

Ни шеф, ни Андреа не знают эту Хоу лично, но они оба местные, поэтому, конечно, ему кое-что о ней известно. Вивиан Хоу была замужем за Джеймсом Пи Куинсборо, владельцем кафе-мороженого «Рожок» в гавани. У парочки трое детей. Их сын только что окончил школу; был нападающим в команде по лякроссу, и Эду попалось его имя в газете. Еще у них две дочери; одну из них пару раз приводили в участок за мелкие правонарушения.

Семья Хоу живет на острове. Шеф не знаком – не был знаком – с Вивиан лично, но многое о ней знает. И ей, наверное, было известно о нем столько же, если не больше. Андреа говорила, что сюжет одного из романов миссис Хоу подобрался опасно близко к событиям того лета, когда погибли, выйдя в море на яхте, Тэсс, кузина Андреа, и ее муж Грэг. Жена зачитывала Эду абзац из той книги, когда он уже засыпал.

– Думаешь, она слышала про Тэсс и Грэга и использовала это в романе? – спрашивала Андреа. В ее голосе звучало больше радостного возбуждения, чем возмущения.

– Кто нашел тело? – спросил шеф Диксона.

– Круз Де Сантис, – ответил офицер.

Шеф нахмурился.

– Как он с ней связан?

– Дружит с сыном погибшей. Как раз ехал к ним домой, когда нашел миссис Хоу. Говорит, что сначала решил, будто она подвернула ногу. Парень изрядно перенервничал.

– Он что-нибудь видел?

– Его будут допрашивать, – сказал Диксон. – На вызов приехал Фалько. Здесь не все гладко, шеф. Фалько сказал, что видел Де Сантиса за пять минут до того, как поступил звонок: парень проехал на красный свет в конце Хупер-Фарм-роуд и с превышением рванул по Серфсайд. Фалько говорит, он чуть не остановил Круза, но узнал его и решил дать ему поблажку.

– То есть Фалько думает, что ее сбил Де Сантис?

Шеф знает младшего Де Сантиса с раннего детства. Отец Круза, Джо, держит кафе с сэндвичами под названием «Никль» – шеф почитает заведение своим присутствием три (то есть четыре, а иногда и пять) раза в неделю. Круз осенью едет в Дартмут, получил там стипендию. Шеф встает.

– Я с ним поговорю.

– Что?

– Я буду его допрашивать, – повторяет шеф. – Скажи мне, когда будут готовы результаты медэкспертизы. Полагаю, Фалько оцепил место происшествия?

– Да, – подтверждает Диксон. – Криминалисты уже едут с Кейпа.

– Еще есть свидетели? Бегуны? Собачники? Может, кто-то проезжал мимо на машине?

– После Де Сантиса остановилась еще одна пара на авто. Но они не видели, что произошло.

– Соседи?

– Фалько прошелся по окрестным домам. Никто ничего не видел.

– Замечательно, – проворчал шеф, имея в виду, что ничего замечательного здесь нет. – Я поговорю с парнем.

Круз Де Сантис – высокий худощавый черный парень; волосы у него по-армейски пострижены под машинку. Джо летал с восемьдесят второй воздушно-десантной дивизией во вторую войну в Персидском заливе. Меньше чем через год после того, как он вернулся из Ирака, у его жены диагностировали редкую агрессивную разновидность рака, и вскоре она умерла, оставив мужа самостоятельно воспитывать трехлетнего сына. Джо хорошо справился с этой задачей, справился просто отлично, хотя, войдя в комнату для допросов, шеф замечает, что Круз сегодня совсем не похож на себя. На нем джинсы и мятая футболка с надписью «Девственники рулят» – то ли ироничной, то ли нет; Джо держит сына в ежовых рукавицах. На лице Круза выражение, состоящее на девяносто процентов из отчаяния и на десять – из «хочу оказаться подальше отсюда». Глаза за стеклами очков бле-

стоят от слез.

– Шеф, – здоровается Круз, вставая.

Парня так трясет, что Эду хочется его обнять, но вместо этого он жестом показывает, что Круз может сесть.

– Тебе уже предложили что-нибудь? Воды? Кофе?

– Я не могу... Я не хочу. – Круз падает обратно на стул и сжимает голову руками. – Виви *умерла*. Она... – он сглатывает, – она умерла.

– Ну ладно тебе, ладно, – увещевает шеф. Пожалуй, он совершил ошибку, когда взялся сам проводить допрос. Ему удавалось разграничивать работу и личную жизнь, но он всегда был такого высокого мнения о Джо и полюбил мальчика, желая ему всяческих успехов.

– Дыши глубже. Я знаю, что ты огорчен. Много кто будет огорчен, когда об этом станет известно. Моя задача – попытаться выяснить, что произошло.

Шеф опускается на стул через стол от Круза.

– Давай начнем с того, как ты нашел миссис Хоу.

– Виви, – говорит Круз, – была мне как вторая мать. Мы с Лео были... мы дружим с детского сада. А Виви... она всегда шутит, что я ее любимый ребенок. У меня, понимаете, у меня даже свое место у них за столом есть. Виви купила носок с моим именем, чтобы повесить над камином. – Круз глотает комок, вставший в горле. – Я чувствую себя своим в этом доме. Не потому, что я сирота и ей меня жалко, а потому, что она... *любит меня*.

– Сочувствую, сынок. – Шеф берет ручку. – Ты ехал к ним домой, когда нашел ее? В семь пятнадцать утра?

– Да, сэр.

– Рановато для визитов, да еще и в субботу.

Круз кладет голову на стол и начинает рыдать. Шеф дает ему поплакать, а потом спрашивает:

– Где конкретно ты был, когда впервые увидел миссис Хоу? Расскажи все по порядку.

– Я ехал из дома. Выезжал на Кингсли и увидел... тело, Виви, она лежала на земле. Почти на велосипедной дорожке, но не совсем. Я решил, что она поранилась. Сразу понял, что это Виви. Она каждое утро бежит по этой дорожке. Я подумал, вдруг Виви растянула лодыжку, поэтому остановился и выскочил из машины. А когда подошел ближе, увидел, что... все плохо. И позвонил «девять-один-один».

– Подожди-ка, – перебивает шеф. – Отмотаем немного назад. Ты ехал из *своего* дома? Уверен?

Круз кивает, но не поднимает глаз от своих рук.

Если Фалько действительно видел, как парень промчался на красный в конце Хупер-Фарм-роуд, тогда Круз лжет. Джо с сыном живут на Делани, совсем рядом с районом Клифф. Возможно, предполагает шеф, Фалько ошибся. Или же Круз ехал откуда-то, откуда ему ехать было непозволительно. Например, из дома девушки. Шеф видел такое тысячи раз: когда расследуешь преступление, по дороге раскрываешь кучу не связанных с ним секретов.

– Круз, – произносит шеф, и парень поднимает голову. Его глаза за стеклами очков полны ужаса. Шеф напоминает себе, что даже хорошие, даже *замечательные* дети совершают ошибки. – Какие-то еще машины проезжали по Мадакет-роуд до того, как ты заметил миссис Хоу?

– Кажется, нет, – отвечает Круз. – Я такого не помню.

– Тебе встречались пешеходы на Мадакет-роуд?

– Нет.

– Кто еще, кроме тебя, видел, что случилось? Какие-нибудь бегуны, велосипедисты?

– Если бы кто-то видел, он бы, наверное, остановился, да?

– Ты видел кого-нибудь на велосипедной дорожке, Круз?

– Нет! Никого я не видел, только Виви, она лежала на земле! Я позвонил «девять-один-один», дождался скорую и побежал в дом – сказать Лео, что случилось.

– Ты не позвонил ему с места происшествия?

– Нет.

– Ты не позвонил лучшему другу, чтобы сказать, что его мать пострадала?

Круз снимает очки, кладет их на стол, и только тогда шеф замечает трещину на одной из линз и набухающий под левым глазом парня фингал.

– Мы с Лео вчера вечером поссорились, – сознается Круз. – Я подумал, что он не подойдет к телефону.

«Поссорились», – думает шеф. Это могло бы объяснить трещину на очках, фингал и тот факт, что Круз мчался к Лео

домой в семь утра.

– Ты видел кого-то впереди на Мадакет-роуд? – спрашивает шеф. – Может, машина была припаркована на обочине?

– Нет.

Шефу надо взглянуть на место происшествия своими глазами, но, если он правильно понимает, тот, кто сбил Вивиан Хоу, должен был поворачивать на Кингсли, как и Круз. Если машина ехала по Мадакет, она ни при каких обстоятельствах не могла бы сбить человека, который еще даже не свернул на велосипедную дорожку. Но если она делала плавный поворот на Кингсли и водитель отвлекся, он вполне мог сбить пешехода. А потом, если знал, что Кингсли заканчивается тупиком, нарушитель, скорее всего, сдал назад и поехал дальше по Мадакет-роуд.

«Это точно кто-то из местных», – думает шеф, и настроение у него портится еще сильнее.

– Так, ты позвонил «девять-один-один», а дальше что?

– Я ждал, не отходя от Виви, – говорит Круз. – Взял ее за руку и попытался с ней поговорить на случай, если она меня слышит. Остановилась пара машин, какая-то женщина спросила меня, не я ли ее сбил...

– Это ведь был не ты? – осторожно спрашивает шеф. Он знает, что такое часто бывает: водитель, который сбил человека, сам вызывает полицию, делая вид, что просто проезжал мимо. Может, здесь такой же случай? Может, Круз гнал слишком быстро, Вивиан Хоу внезапно появилась у него

на пути, он не успел среагировать, солнце било в глаза, может, парень был расстроен ссорой с ее сыном, может, ехал извиниться. Шеф вырастил своих двоих детей, а потом – еще двоих, Хлою и Финна, детей Тэсс и Грэга. Он видел столько подростковых драм, что хватило бы на шесть сезонов сериала для «Нетфликса». Каждый из этих детей мог перестать следить за дорогой, чтобы написать сообщение или переключить радио, – и ненамеренно скосить человека.

– Это ведь не ты ее сбил? Если тебе кажется, что это мог сделать ты, но сам не заметил, как такое произошло, сейчас самое время сказать мне. Я знаю, что тебя ждет блестящее будущее и ты не хочешь от него отказываться...

– Шеф Кейпнэш, – говорит Круз, и внезапно взгляд его становится ясным и серьезным, – это не я сбил Виви. Я не видел, кто это сделал. Я никого не видел, пока не позвонил «девять-один-один». Виви просто лежала на земле.

Круз закрывает глаза, и по его лицу бегут слезы.

Шеф вздыхает. Он знает, что парень все-таки может говорить неправду, но Эд верит ему против своей воли.

– Извини, сынок, нам придется изъять твой джип, чтобы криминалисты его осмотрели. – Он встает. – Позвони отцу, попроси тебя забрать. Мне очень жаль, что так получилось. Я понимаю, что ты потерял дорогого для тебя человека весьма трагическим образом. Я знаю, каково это.

Круз рыдает так сильно, что едва не давится слезами.

– Она была мне как мать, – говорит он. – Я был ее люби-

МЫМ РЕБЕНКОМ.

Виви

Она поднимается все выше и выше. Наверное, это хороший знак – что вверх, а не вниз, – но Виви чувствует себя так, будто идет за покупками без кошелька. То есть так, как будто еще не готова. У нее на земле, в прежней жизни, остались незавершенные дела, крупные и мелкие.

Мелочь: трехлитровая сковорода из «Олл Клэд» до сих пор стоит у крыльца, и Виви знает, что ни Лео, ни Карсон ее не заметят. Они будут переступать через нее, и постепенно она наполнится дождевой водой и насекомыми; может, в ней утонет одна из мышей, которые наводняли «Мани Пит» с тех пор, как Виви купила дом, или голубая сойка окунет клюв в едкую черную жидкость, по ошибке приняв бывшую сковороду за поилку для птиц. Она наполнится снегом; станет единым целым с плитками дорожки, и никому не придет в голову ее подобрать, отнести в дом, помыть.

Виви все-таки надеется, что Уилла займется посудой, когда зайдет к ним. Или разберется ландшафтный дизайнер Виви, Анастейша, – ее фотографию нужно поместить в словаре в качестве иллюстрации к слову «перфекционистка».

Мелочь: у Виви остался неоплаченный счет от Анастейши на две тысячи сто долларов; его надо погасить.

Проблема крупнее: кто станет заниматься платежками, возьмет на себя ее дела, позаботится о детях? Виви не со-

ставляла завещания. Да и зачем? Ей пятьдесят один год, никаких проблем со здоровьем. Отец Виви умер, когда ей было семнадцать, сидел в своей машине в гараже, а мать последовала за ним пять лет спустя, в возрасте сорока шести лет, но она курила и страдала от лишнего веса. Виви каждый день бегала, была подтянутой, даже затяжки не сделала с тех пор, как уехала из Огайо, – ну просто воплощение здоровья. Зачем ей завещание?

А надо было о нем позаботиться. Назначить ответственного человека, который уладит ее дела. Виви оставила на земле свою лучшую подругу, Саванну Хэмилтон, но та тащит на себе пожилых родителей, которые живут в доме для престарелых в Веймуте; у матери – Альцгеймер, у отца – обычная деменция, и Саванна еле справляется. Но дети Виви еще слишком молоды, даже Уилла, и Саванне придется взять все на себя.

Проблема крупнее: роман Виви «Золотая девочка» выходит тринадцатого июля. Она наизусть выучила рецензию (хвалебную!) из «Маккуэйд»:

«Хоу удалось создать что-то гораздо более глубокое, чем обычно, в этой блестящей истории о молодой женщине, которая пытается убежать от прошлого. Элисон Ревер живет в пригороде Кливленда и мечтает стать писательницей. У ее школьного бойфренда Стотта Маклмора своя группа, и он мечтает стать звездой. После того как отец Элисон совершает самоубийство, эти двое становятся еще ближе друг другу»

и планируют пожениться сразу после школы. Стотт посвящает Элисон песню, называет ее “Золотая девочка” и получает предложение от крупной звукозаписывающей студии. Стотт уезжает в Калифорнию, и Элисон в отчаянии, оттого что теряет еще одного близкого человека, полна решимости вернуть его в Кливленд, что бы ей ни пришлось для этого сказать или сделать. Во второй части книги Элисон проводит лето на Нантакете с семьей своей соседки по комнате из колледжа. Она переезжает на остров насовсем, знакомится с местным парнем и выходит за него замуж, публикует свою первую книгу “Золотая девочка”. Жизнь Элисон кажется вполне... золотой, пока не появляется Стотт Маклмор и не заставляет ее расплачиваться за тайны прошлого. Роман наполнен фирменными летними пейзажами Хоу, но в нем есть важный посыл, надолго остающийся с читателем: о необратимом решении, которое принимает Элисон, проблемный подросток».

На разных мероприятиях и интервью Виви чаще всего задавали вопросы о том, есть ли реальные прототипы у ее персонажей и пишет ли она о событиях из своей собственной жизни. Виви все время казалось, будто ее читателям очень хочется услышать утвердительный ответ, они жаждали, чтобы выдумка оказалась правдой. Она объясняла, что включает в книги детали из реальной жизни: белый кувшин с морской раковиной, купленный в «Уидз» на Сентер-стрит, появляется в трех ее романах. Виви носит украшения от Джес-

сики Хикс, и все ее персонажи – тоже. Лучшая подруга Саванна известна своим остроумием, и Виви регулярно заимствует (ворует) у нее шутки. Но это совсем не то же самое, что писать о знакомых ей людях или событиях ее собственной жизни.

Но в этом году она так и сделала. Сюжет «Золотой девочки» повторяет трагические события последнего школьного года Виви, но единственный, кто мог бы об этом знать, – это ее тогдашний бойфренд Бретт Каспиан, а с ним она не встречалась и не разговаривала уже тридцать лет. Прежде чем начать писать «Золотую девочку», Виви прочесала интернет в поисках следов Бретта. Его не было ни в «Фейсбуке», ни в «Инстаграме», ни в «Твиттере», ни в «Снапчате», ни в «Тиктоке». Его не было на «Линкдин». Виви поискала в справочнике, но не нашла никаких Каспианов ни в Кливленде, ни в окрестностях. Она отправила имейлы с завуалированным вопросом единственным двум школьным подругам, с которыми до сих пор поддерживала связь, – Стефани Саймон и Джине Мариани, и обе ответили, что Бретт не приехал ни на одну встречу выпускников (Виви – тоже, потому что и отец, и мать ее умерли, а дом в Парме продали). Ей хотелось узнать о нем хоть что-нибудь, но она пришла к выводу, что Бретт Каспиан просто не из тех, кто пользуется соцсетями; где бы он ни был, бывший явно не подозревает, что Виви пишет книги, и никогда в жизни не подумал бы, что «Золотая девочка» рассказывает о нем. О них. За исклю-

чением незначительных деталей.

Виви удалось (отчасти) подавить сомнения относительно Бретта Каспиана, и она с нетерпением ждала выхода своей новой книги. Это был шанс наконец попасть в топ списка бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс». Первая строчка. Этот шанс манил Виви, как звезда на верхушке рождественской елки. Ее последняя книга «Слухи на Мэйн-стрит» стала третьей «твердой обложкой» и второй в общем списке. Оставалось совсем чуть-чуть! Она уже приготовилась – чем черт не шутит? – занять первое место.

Виви понимает, что, за кем бы ни было это решение, он вряд ли вернет ее на Землю, дабы она успела убрать с дорожки сковородку, заплатить ландшафтному дизайнеру или даже поучаствовать в продвижении нового романа.

Но как же ее самая главная обязанность?

Самое крупное дело – забота о детях. Лео – восемнадцать, теоретически он уже взрослый, но по-прежнему привязан к мамочке. Любит еду, которую готовит Виви, и часто просыпается по утрам уже с вопросом, что будет на ужин; сын позволил Виви отвести себя в «Мюррейс», чтобы вместе выбрать одежду для выпускного (и прислушался к ее мнению, которое обе сестры безапелляционно отклонили). Зимой, когда Виви свалилась с гайморитом, Лео вместе с ней посмотрел подряд три сезона «Короны», и она верила: то, что ее большой и сильный сын сидит с ней рядом, свернувшись калачиком, помогло ускорить выздоровление.

Весной, когда Лео не мог выбрать между Чарльстоном и Университетом Колорадо, они с Виви сделали список «за» и «против», которых оказалось поровну. Сын спросил мнения у матери. Из эгоистических соображений Виви хотела, чтобы он выбрал Чарльстон (туда был прямой перелет из Бостона, и вообще это же все-таки Чарльстон), но интуитивно понимала, что Чарльстон, скорее всего, не сильно отличается от Нантакета, а Лео нужно какое-то совершенно не похожее на Нантакет место, чтобы зацвести полным цветом, – например, большой университет в Скалистых горах.

– Боулдер, – сказала она.

Лео выдохнул и признался:

– Я тоже так решил, но подумал, ты скажешь, что это слишком далеко.

– Дорогой, мне, конечно, будет грустно, ты же мой малыш. Но часть родительских обязанностей – это выбирать то, что лучше для тебя, а не для меня.

Виви намеревалась лично отвезти Лео в Колорадо. Это было бы настоящее путешествие с остановками в тщательно подобранных дайнерах и китчевых мотелях, на смотровых площадках и у исторических памятников. Она собиралась позволить Лео ставить музыку даже несмотря на то, что от нее у Виви болели уши, и надеялась как следует поговорить с сыном, пока они будут сидеть вдвоем в машине, а впереди – расстилаться пустая дорога. Затем Виви оставит его в колледже (с заламинированной инструкцией по стирке

вещей), сядет в машину и как следует поплачет, громко, навзрыд: ее последний ребенок, ее маленький мальчик вылетел из гнезда.

Теперь Виви просто не сможет не отвезти Лео в колледж. А еще у нее скоро родится внук. Нельзя не согласиться, что совершенно несправедливо умирать, так и не подержав на руках своего первого внука. А еще ведь есть Карсон, которая, кажется, нуждается сейчас в матери больше чем когда-либо. Виви не может бросить своих детей там, внизу, совсем одних. Они – ее *дети*. Она – их *мать*.

Извините, конечно, но она не может позволить себе умереть.

Виви уже высоко под облаками, но еще может разглядеть свое тело, лежащее на Кингсли-роуд. Возле него остановился белый джип. Это джип Круза; он выпрыгивает из машины и бросается к телу.

– Виви!

Круз достает телефон и вызывает скорую на пересечение Кингсли и Мадакет.

– Моя мать ранена. Кажется, ее сбила машина, она лежит на земле. Ей нужна помощь!

Круз сидит возле нее на корточках, его плечи высоко поднимаются и опадают. Он берет ее за руку.

– Не отключайся, Виви, не уходи. Ты мне нужна. Ты нужна всем нам.

«Я им всем нужна, – думает она, а потом: – Он назвал

меня мамой».

Виви слышит в отдалении звук сирены. На происходящее невозможно смотреть. Бедное ее тело, бедный Круз! Виви поворачивает голову – и встречается лицом к лицу с женщиной средних лет с аккуратно подстриженными пепельно-светлыми волосами, в летящем белом платье и шелковом шарфе, замысловато повязанном вокруг шеи.

– Прошу прощения? – говорит Виви.

Женщина, стоящая перед ней, кажется, состоит из плоти и крови. У нее в руках планшет, как будто она организатор литературного обеда. Виви кажется, что дама сейчас назовет номер ее столика.

На кончике носа у женщины примостились очки для чтения. Шарф выглядит элегантно и дорого – Виви разглядывает сложный анималистический орнамент на шелке фирменного оранжевого цвета, который позволяет определить, что это «Эрме» (ох ты боже мой!), а вот очки – простые, как будто куплены в аптеке.

– Здравствуй, Вивиан, – говорит женщина, – добро пожаловать в Предел. Я Марта.

Лицо Марты кажется знакомым. Она смутно напоминает Виви...

– ...вашу первую читательницу, Марибет, – говорит Марта. – Да, это моя младшая сестра.

– Быть того не может! Вы сестра Марибет Шумахер?

Когда вышел первый роман Виви «Дочери дюн», Марибет

Шумахер купила двадцать экземпляров и раздала всем своим влиятельным подругам. Эти подруги рассказали о книге своим подругам, и соседкам, и невесткам, и так далее, и так далее, и так далее, как в той дурацкой рекламе шампуня. И так появился клуб верных поклонниц Виви.

– *Была* сестрой Марибет Шумахер, – поправляет Марта. – Она отправляла мне все ваши книги до самой моей смерти, меня не стало два года тому назад. Я жила в Мемфисе, и мне нравилось читать про пляж.

Мемфис. Виви была там, когда ездила в турне в поддержку книги, но она жила в районе университета и запомнила только ресторан «Сентрал Барбекью» и комплекс, на территории которого совершала пробежки. Виви так и не выбралась в центр, чтобы погулять на Бил-стрит или посмотреть на уток в отеле «Пибоди». Твердила себе, что успеет в другой раз.

Но другого раза уже не будет!

– Но они не поэтому приписали меня к вам, – говорит Марта. – Это случайное совпадение.

– Приписали?

– Я – ваш Человек, – поясняет Марта. – Помогу вам пройти переходный этап.

– Мне кажется, здесь какая-то ошибка.

– Все так говорят.

Виви показывает вниз, туда, где лежит ее тело. Приехала скорая, и Круз бросился по Кингсли-роуд в сторону «Ма-

ни Пит». Он скажет детям. Виви нужно что-то предпринять. Вдруг Марта каким-то образом поможет ей отмотать все назад?

Виви пытается заглянуть в планшет.

– А у вас есть какая-нибудь графа, где можно поставить галочку, чтобы в больнице меня спасли?

– Слишком поздно, – осаживает ее Марта. – Вы мертвы.

– Я мертва, – повторяет Виви. – Но я ничего плохого не сделала. Как я могла *умереть*? – Она не хочет показаться слишком недовольной; если за пятьдесят один год Виви чему-то и научилась, так это всегда быть вежливой с теми, кто может оказать помощь, будь то стюардессы или сотрудники автотранспортной инспекции. – Марта, не могли бы вы пояснить? Меня... за что-то наказывают?

– Да нет, что вы.

– Тогда почему...

– Вас сбила машина, – говорит Марта. – Это был несчастный случай. Не повезло.

– Но это несправедливо.

Марта поджимает губы.

– Вы сейчас скажете мне, что жизнь вообще несправедлива, да? – спрашивает Виви.

– Действительно, ваша смерть была особенно внезапной, – признает Марта. Ее тон становится чуть менее категоричным. Она просматривает анкету у себя на планшете и отмечает что-то галочкой. – И поэтому, Вивиан, я готова дать вам

75-НП и 3-Т.

– Это значит, в больнице меня спасут?

– Нет. 75-НП – это наблюдательный период в семьдесят пять дней. Вам позволено смотреть, что будет происходить на земле до сентября. А 3-Т, – Марта поднимает палец, – дают вам право на три побудительных тычка.

– Три побудительных тычка?

– Вы можете трижды повлиять на события там, внизу, – поясняет Марта. – Но будьте осмотрительны.

– Это все как в сказке, – говорит Виви. – Я действительно умерла?

– Да, дорогая.

Виви снова обращает внимание на затейливо повязанный шарф от «Эрме».

– Так небрежно и так элегантно, я подумала бы, что вы француженка.

– Благодарю. Но нет.

– Чем вы занимались при жизни?

– Я была старшим вице-президентом в «Фед-Экс».

– Вот так Марта! – восклицает Виви. – Большая начальница!

– Меня не задобрить, Вивиан, – отрезает Марта. – Вас не воскресят в больнице. Вы мертвы. Я дарю вам целое лето, чтобы понаблюдать за своими детьми, и три тычка, потому что ваша смерть наступила так неожиданно и в результате случайности. И потому что мне нравятся ваши книги.

У вас здесь, наверно, много поклонников.

Кажется, будто теперь уже Марта пытается ее задобрить.

– Кто меня сбил? – спрашивает Виви. – Это ведь был не Круз, да?

Ей страшно даже подумать об этом. Он такой хороший мальчик, такой умный, ему прямая дорога в Дартмут. Круз успевает по всем предметам: биологии и физике, математике, английскому. Вместо мотивационного письма он приложил к заявлению в колледж стихотворение про своего отца Джо под названием «Жертва». Виви чувствует к Крузу Де Сантису такую же нежность и желание защитить, как и по отношению к собственным детям.

Марта качает головой.

– Этого я не могу сказать.

Не может сказать, потому что это запрещено или потому что сама не знает? Ладно, неважно, у Виви есть более насущный вопрос.

– А что случится, когда кончится лето?

– Вы присоединитесь к хору.

– Хору?

– Ангелов.

– Но я не умею петь, – говорит Виви.

Марта заливисто хохочет.

– Не волнуйтесь, – заверяет она. – Научитесь. А теперь идемте. Нам пора.

– Куда мы идем?

– В зеленую комнату. Закройте глаза, пожалуйста.

Виви смотрит на Марту с подозрением.

– Лучше с открытыми.

– Вам надо научиться мне доверять, – напоминает Марта. – Я – ваш Человек.

Поколебавшись секунду, Виви закрывает глаза. А что ей еще остается?

Открыв глаза, она оказывается в комнате, где не хватает одной стены. Это похоже на диораму из обувной коробки, которую дети делают в школах. Виви осматривается, часто моргая; здесь есть чем полюбоваться.

Плнтусы под потолком и окантовка стен выкрашены в зеленый, на обоях узор из ядовито-зеленых и белых вертикальных полос. На полу в два слоя лежат ковры: внизу – обычный, сплетенный из волокна, сверху – роскошный персидский, из шелка. На потолке – марокканский светильник в форме лампы Аладдина: полированная бронза и крошечные отверстия отбрасывают затейливый кружевной узор из света и тени. Это, наверное, – нет, совершенно точно – самый классный и эклектичный интерьер, что Виви доводилось видеть. В комнате стоят длинный шезлонг из зеленого бархата, два пухлых кресла-суфле, обитых персиковым шелком, два кожаных пуфа, два медных горшка с карликовыми апельсиновыми деревьями, а на стене висит черно-белая фотография – Виви узнает кадр из серии «Дикий Запад» Дэвида Ярроу.

– Бохо-шик! Прямо комната моей мечты, – признается она.

– Да, я знаю, – отзывается Марта. – Мы ползали у вас в «Инстаграме».

Виви смеется. В это невозможно поверить. И правда рай! Она бы все отдала за такую комнату в «Мани Пит»: бархатный шезлонг, апельсиновые деревья! – но в доме на Нантакте та смотрелась бы странно, а на уголок в Париже или Нью-Йорке Виви еще не накопила.

Одна из стен полностью занята книжным шкафом, потому что, по мнению Вивиан, в каждой идеальной комнате должен быть книжный шкаф во всю стену. Она подходит взглянуть на корешки. «Клаудстрит» Тима Уинтона⁶, «Песнь Соломона» Тони Моррисон⁷, «Белая шерсть» Жардин Либер⁸ и – да, детка, – «Адюльтер» и другие рассказы Андре Дюбюса⁹, книги которого Виви, пожалуй, обожает больше всего.

– Мои любимые книги.

– Естественно.

К шкафу примыкает зеленая дверь.

– Это оттенок «стебли петрушки» фирмы «Бенджамин Мор»? – спрашивает Виви, имея в виду цвет, в который вы-

⁶ Австралийский писатель, который получил в Австралии статус «Живое национальное достояние».

⁷ Американская писательница, получившая в 1993 году Нобелевскую премию по литературе.

⁸ Американская писательница, уроженка штата Техас.

⁹ Американский писатель из Луизианы, автор рассказов и эссе.

крашена дверь.

– Да, он самый.

Вот это да! Виви уже влюблена в эту комнату.

– Куда ведет эта дверь?

– От любопытства кошка сдохла, – отвечает Марта. –

Не суйте нос куда не следует, а то сокращу вам наблюдательный период.

Марта открывает дверь и проскальзывает внутрь до того, как Виви удастся подсмотреть, что за ней спрятано.

«Наблюдательный период», – думает Виви. Она идет к краю комнаты и действительно оказывается на наблюдательном пункте, как будто смотрит в широкое окно, из которого видно всю ее прежнюю жизнь. И не просто видно – Виви сразу погружается в происходящее.

Вот ее дети – все трое сидят в гостиной в «Мани Пит» на бирюзовом твидовом диване, тесно прижавшись друг к другу. Они называют этот диван «Герв» – сокращенно от названия фабрики «Гервин». Уилла в центре, по бокам от нее Карсон и Лео. Они держатся за руки на уровне талии. Хотя Виви не раз представляла себе этот момент, злясь на детей («Вот умру, и посмотрите у меня»), ей невыносимо видеть их острое чистое горе.

Ребята, я здесь, с вами!

Но конечно, они ее не слышат.

– Мы поругались, – признается Карсон надтреснутым, прерывающимся голосом. – Я отправила ей сообщение, из-

винилась, но не знаю, успела ли мама прочитать.

«Да, – думает Виви. – Да, моя хорошая, успела. Пожалуй-ста, не волнуйся. Я уже тебя простила. Дома я собиралась сделать тебе тост с авокадо».

– Где ее телефон? – спрашивает Лео.

– Полиция забрала, – отвечает Уилла. – Вся одежда у них, они отправят ее на экспертизу, думаю, им и телефон понадобится, но я могу спросить у мистера Кейпнэша.

– Можешь позвонить и попросить его отдать сотовый? – говорит Карсон. – Мне нужно знать, прочитала ли мама мое сообщение.

– Телефон, наверное, разбился, – замечает Лео.

– Не разбился, – возражает Уилла, – шеф отдельно мне сообщил, что телефон в порядке.

– Я написала, что люблю ее, – продолжает Карсон. Она снова раздражается слезами. – Я хочу отмотать все назад, хочу быть лучше. Я хочу ее рассмешить. – Она сжимает руку Уиллы. – Я бы все отдала, чтобы услышать сейчас ее смех. Я бы все отдала, чтобы услышать, как она на меня орет, – плевать, я просто хочу, чтобы она вернулась. Немыслимо ведь, что мама умерла. Немыслимо, что *мы больше никогда ее не увидим.*

– Не говори так! – Лео рыдает, как будто он снова маленький мальчик. – Карсон, я не шучу, заткнись!

Я здесь! Я вижу вас! Я слышу вас! Вы не одни! Я вас не бросила!

Виви запрокидывает голову, высматривая Марту. Это су- щая пытка. Марта должна ей помочь. Как дать знать детям, что она здесь?

– Мы были лучшими подругами, – говорит Уилла. – Я все ей рассказывала, и она всегда слушала. Мама не всегда со мной соглашалась, но всегда слушала.

Уилла кладет руку на живот, и – ага! – Виви может разли- чить, как внутри бьется крошечное сердечко.

Она перелетает на кухню, где за столом сидит и смотрит на свои руки Рип, муж Уиллы. Виви интересно, о чем он ду- мает. Рип неразговорчив. Виви пару раз замечала, будто ему «чего-то не хватает», но в конце концов пришла к выводу, что недооценивала сильные стороны зятя. Спокойный и на- дежный Чарльз Эван Бонэм Третий идеально оттеняет ма- ниакальное стремление Уиллы во всем добиваться успеха. Но все-таки, когда дочь объявила, что они с Рипом намерены пожениться – решили так еще в седьмом классе, – Виви по- думала, что долго этот брак не продлится, Уилла его пере- растет.

Примерно за месяц до свадьбы Вивиан повела дочь в «Ле Лангедок», чтобы поговорить по душам. То был буд- ний весенний день, и они оказались единственными посе- тителями в зале на втором этаже, окна которого выходили на Брод-стрит и уютно подсвеченные окошки книжного ма- газина «Нантакет Букворкс».

Эстетическая сторона этого ужина была доведена до со-

вершенства. Зал освещали только свечи, на столе стоял букет ирисов, пахло сливочным маслом, чесноком, бульоном из телятины и свежим хлебом. Они заказали бутылку дорогого шампанского, а потом еще более экстравагантное белое бургундское. Уиллу обычно мало интересовала еда – она могла съесть или выпить все, что перед ней ставили, и никогда не жаловалась, но казалось, дочь никогда не получает *удовольствия* от еды. Однако тем вечером она с наслаждением поглощала улитки ан-крут, запеченного лобстера и поленту с пармезаном и позволила себе чуть-чуть захмелеть. Тут Виви и решила высказать свое мнение. Будущий зять очарователен, а Бонэмы – достойные всяческого восхищения уважаемые люди. Рип, кажется, уже твердо намерен заняться страховым бизнесом родителей, и в материальном плане Уилла не будет ни в чем нуждаться.

Но вот в эмоциональном, в интеллектуальном плане, спрашивала Виви. Рип окончил Амхерст, факультет свободных искусств; он умен, но Вивиан не назвала бы его ум *пытливым*. Парня натаскивали как наследника семейного бизнеса, и он никогда не захочет – и не сможет – жить где-либо, кроме острова, на котором родился и провел детство. Рип не будет расти.

Виви наклонилась к Уилле через стол и положила ладонь ей на предплечье.

– Однажды ты можешь проснуться и понять, что тебе хочется большего. – Виви представила себя на переднем сиде-

ные «бьюика» Бретта Каспиана. Что, если бы она так и осталась там и ничего больше в жизни не увидела? – Ты можешь захотеть переехать в Стамбул. Вдруг в один прекрасный день решишь поступить в магистратуру на исторический факультет или получить МВА, и вот ты уже в Гарварде, а Рип остался на Нантакете. Допустим, тебе понравился Бостон – ты едешь в метро, заказываешь на дом ливанскую еду, проводишь вечера в Музее Изабеллы Стюарт Гарднер. А потом на одной из пар какой-то внутренний голос подает тебе великолепную идею, ты оборачиваешься и встречаешься глазами с молодым человеком. Он невысокий и смуглый, совсем не такой, как длинный и бледный Рип, у него усы и британский акцент – Рип всегда чисто выбрит и раскатывает звук «р», – но тебя почему-то к нему тянет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.